

**Александр
Павлович
Чудаков**

Александр Чудаков
Сборник памяти

«Языки Славянской Культуры»

2013

УДК 80/81
ББК 83

Чудаков А. П.

Сборник памяти / А. П. Чудаков — «Языки Славянской
Культуры», 2013

Сборник посвящен памяти Александра Павловича Чудакова (1938–2005) – литературоведа, писателя, более всего известного книгами о Чехове и романом «Ложится мгла на старые ступени» (премия «Русский Букер десятилетия», 2011). После внезапной гибели Александра Павловича осталась его мемуарная проза, дневники, записи разговоров с великими филологами, книга стихов, которую он составил для друзей и близких, – они вошли в первую часть настоящей книги вместе с биографией А. П. Чудакова, написанной М. О. Чудаковой и И. Е. Гитович. Во второй части собраны некрологи А. П. Чудакову, мемуары и статьи его коллег и друзей. Жизнь Александра Павловича и его живой образ отражены в многочисленных фотографических материалах, а также в некоторых его автографах. Книга подготовлена к 75-летию со дня рождения А. П. Чудакова.

УДК 80/81
ББК 83

© Чудаков А. П., 2013
© Языки Славянской Культуры, 2013

Содержание

Вспоминая Александра Павловича Чудакова	6
Мариэтта Чудакова, Ирина Гитович	8
I	17
Из дневников, записных книжек, писем	17
1978–1979 Из записных книжек	23
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Александр Чудаков

Сборник памяти

© М. О. Чудакова, М. А. Чудакова, 2013

© Авторы, 2013

© Знак, 2013

Вспоминая Александра Павловича Чудакова

Это книга памяти незабвенного Александра Павловича Чудакова. Его внезапная гибель уже семь с лишним лет тому назад потрясла тогда читающую не только Москву и не нашу одну Россию, но весь большой гуманитарный мир, и читатели книги увидят, что мы до сих пор не можем с этой гибелью примириться и даже как бы в нее поверить. Саша исчез тогда на самом своем подъеме, на развороте новой научной и писательской жизни. Столько было уже за плечами сделанного и столько лишь начато, к продолжению и развитию чего он полностью был готов. В его тогдашние 67 лет это была не смерть, а именно гибель. Гибель, какая в сознание не уместается. Великолепный филолог, историк литературы только что неожиданно для многих его читателей явился сильным писателем. Но роман естественно вырос из его филологических, научных занятий и интересов, филолог естественно обернулся прозаиком. И вот мы утратили того и другого в один роковой момент. Потеря была научная и литературная – но прежде всего утрата была человеческая. Потому что на наших глазах из нашего мира исчез на редкость свободный внутренне человек, проживший счастливую и красивую жизнь. Это истинно было явление современной нашей русской жизни и нашей культуры – Александр Павлович Чудаков.

Что составило эту памятную книгу? Она открывается биографией, написанной Мариэттой Омаровной Чудаковой совместно с Ириной Евгеньевной Гитович для филфаковского энциклопедического словаря биографий литературоведов, еще не вышедшего в свет. Здесь, в биографии, освещается история семьи Чудаковых, рассказано о том самом деде его, послужившем прототипом центрального героя будущего романа. Речь здесь идет и о многолетнем человеческом и писательском дневнике А. П., ведшемся им почти ежедневно и оставленном нам как одно из его произведений. Из ранних записей в дневнике еще нашего исторического 1956 года мы узнаем о его писательском замысле и можем видеть, насколько издалека созревал роман. Восемнадцатилетним второкурсником была задумана «История моего современника» и его будущая структура – «используя автобиографический материал, но не давая своего портрета», – и замысел созревал затем для осуществления через сорок лет. Дневник за многие годы огромен, и полное наше знакомство с ним еще впереди; но солидная часть его подготовлена с личными комментариями М. О. Чудаковой и напечатана ею как «приложение» в последнем издании романа А. П., признанного жюри премии Букера лучшим русским романом первого десятилетия XXI века (Ложится мгла на старые ступени. М., 2012. С. 501–636). В настоящей книге эта публикация воспроизводится в расширенном виде. В 1970 году состоялась встреча А. П. с Михаилом Михайловичем Бахтиным, разговоры с которым о Чехове и о своей «Поэтике Чехова» он записал на многих листках, собираясь включить их в книгу мемуаров о своих великих учителях; этот материал («Бахтин о «Поэтике Чехова»») был подготовлен и опубликован М. О. Чудаковой в 13-м выпуске «Тыняновского сборника» (2008. С. 595–603); для настоящей книги текст расширен. В нашем сборнике авторская запись разговора с М. М. Бахтиным о Чехове и о «Поэтике Чехова» сопровождается примечанием, составленным автором этих вступительных заметок. Бахтинские записи дополняют подготовленную сейчас к изданию мемуарную книгу о разговорах А. П. на протяжении многих лет с крупнейшими филологами XX века, ставшими ему научными и личными учителями, – С. М. Бонди, В. В. Виноградовым и В. Б. Шкловским. Наконец – стихи А. П., которые он писал всегда и собрал их в целую книгу – «Веселый волк», осуществив ее домашнее издание в четырех экземплярах, но и после книги он не переставал писать стихи, а в ту же книгу тогда же начал включать и свои стихотворные инскрипты – дарственные надписи друзьям, какие он всегда писал в стихах, превратив их в особый жанр, где чудаковский шутейный юмор единственным образом сочетался с серьезными темами. Избранные стихи и инскрипты А. П. Чудакова также присутствуют в настоящей книге. Часть их вошла в стихотворный сборник, другие воз-

никали позже отдельно. Публикуются также и записи к готовившемуся филологом-писателем роману; темы литературно-творческие соединяются здесь с волновавшими его темами общественно-политическими.

Слово самого Александра Павловича, таким образом, открывает книгу. Далее – мемуары о нем его друзей и читателей, слово любви к нему («Память»). Частью этого мемуарного слова были прямые отклики на его гибель, появившиеся в разделе «In memoriam» в журнале «Новое литературное обозрение» (2005, № 75 и 2006, № 77) и в «Тыняновском сборнике», большой же частью это воспоминания-отклики более поздние, датируемые днем уже настоящим. Одна статья – о романе Чудакова Андрея Немзера – еще при жизни автора была написана и напечатана; мы вводим ее сюда же, в посмертное. Саша тогда же ее оценил и написал в своей дарственной Немзеру: «автору самых точных слов об этом сочинении». Жизнь Александра Павловича и живой его образ отражены в многочисленных фотографических материалах, а также в некоторых автографах. Это тоже Саша – его почерк, его живая рука.

Многие из составивших книгу материалов предоставлены для нее М. О. Чудаковой и М. А. Чудаковой, многие, особенно в личной части («Слово Александра Чудакова») сопровождаются личными комментариями Мариэтты Омаровны; ею же в основном подобран вошедший в книгу фотографический материал.

С. Бочаров

Мариэтта Чудакова, Ирина Гитович

Биография

Чудаков Александр Павлович (1938, г. Щучинск Кокчетавской области – 2005, Москва). Родился в семье учителей. Его отец, Павел Иванович Чудаков, выпускник истфака МГУ, был родом из Тверской губернии – из села Воскресенского Бежецкого уезда. В 20-е годы вся его семья – родители, пятеро их сыновей и единственная дочь – жила в Москве, на Пироговке. Дед Ч. по отцовской линии, Иван Чудаков, происходивший в далеком прошлом из однодворцев, но росший уже в крестьянской семье, был из артельных тверских мужиков – золотильщиков церковных куполов (в такую артель по понятным причинам набирали только самых честных). Семейная легенда о смерти деда, знакомая Ч. с детства, вошла впоследствии в его роман-идиллию «Ложится мгла на старые ступени»:

Когда взрывали храм – тогда делали это, еще не скрываясь – дед пошёл смотреть. Его уговаривали остаться дома – не послушался. Видел, как в три секунды осел с неба к земле Храм; с Каменного моста была видна как раз та часть большого купола, которую десять лет золотил он. <...>

После взрыва дед слёг, болел, долго не могли определить чем; через год выяснилось – рак. В семье были уверены – *от этого*.

Могила его и его жены в Москве не осталась; обстоятельства этого также описаны в романе-идиллии:

...Антон любил ходить по отцовским местам, о которых слышал столько раз, что, казалось, он уже здесь бывал: по Усачёвке, скверу на Пироговке, вдоль стены Новодевичьего монастыря. На Новодевичьем кладбище были похоронены дед с бабкой по отцовской линии. Но когда перед войной дядья как-то собрались посетить могилы, на их месте они увидели ровную заасфальтированную площадку. В конторе возмущенным сыновьям показали затертый номер «Вечерней Москвы», где в уголке было несколько петитных строчек о реконструкции кладбища, в связи с чем родственников таких-то участков просят в месячный срок и т. д. Но дядьям газета на глаза не попала: Василий Иванович был уже под Магаданом, Иван Иваныч, отовсюду уволенный, обивал пороги в поисках работы, Алексей Иваныч, специалист по горным машинам, уехал от греха подальше куда-то на шахты, а отец Антона – в Казахстан.

Действительно – после ареста (по обвинению в троцкизме) одного из братьев (Василий пробыл в советском концлагере десять лет), вызова на Лубянку другого (Андрея) и увольнения отовсюду третьего – Ивана (не затронут был только четвертый – Владимир, служивший далеко от Москвы), самый младший, будущий отец Ч., в то время – строитель московского метрополитена – принял спасительное решение: уехать как можно дальше от Москвы. Так он оказался в Казахстане; вскоре вместе с молодой женой Евгенией Леонидовной Савицкой осел в городе Щучинске (близ курорта Боровое), где уже находились дед и бабушка Ч. со стороны матери – Леонид Львович Савицкий (из священников, окончивший Виленскую духовную семинарию, но ставший не священником, а учителем гимназии) и Ольга Петровна, урожденная Налочь-Длусская-Скловская.

Хорошо подготовленный дедом, семилетний мальчик пошел сразу во второй класс.

Город был местом ссылок сталинского времени, поэтому уровень преподавания в школе, где среди учителей были доценты ленинградских вузов, оказался достаточно высоким. Мать

преподавала химию в его школе, отец – историю в техникуме. Оба учительствовали в своем городе более тридцати лет; полгорода составляли их ученики.

Главное влияние на формирование личности и мировоззрения Ч. в детстве и отрочестве оказал дед (ставший впоследствии прототипом главного героя его романа), авторитет которого был в глазах ребенка незыблем. Ч. рассказывал, что с раннего детства слышал от деда при упоминании имени Сталина одно и то же слово – «Бандит!» – сопровождаемое энергичным взмахом руки. И не посадили деда в те времена лишь потому, что городской сотрудник НКВД был его учеником; поэтому пришел к его зятю (отцу Ч.) с предупреждением – как-то унять старика: «Посадим!».

В пять-шесть лет внук читал деду заголовки свежих газет. Лежа на диване, дед слушал и чаще всего подводил черту одним словом – «Брехня!» Внук читал следующий заголовок, в редких случаях получая приказание: «Читай целиком!» Так было прочитано заключение Специальной комиссии во главе с Бурденко – фальшивка, утверждавшая, что тысячи поляков в Катыни расстреляли немцы во время войны. Дед резюмировал – «Брехня!»; малолетний внук это запомнил. В родительский дом ходили ссыльные; при мальчике велись откровенные политические разговоры – хозяева и гости доверяли друг другу и почему-то были уверены в том, что ребенок понимает – эти разговоры не следует выносить за порог дома. Специфическая атмосфера в городе и семье дала Ч. такое представление об истории своей страны в XX веке, что для него, в отличие от многих ровесников – во всяком случае, москвичей – доклад Хрущева на XX съезде не был поворотным пунктом: о многом он уже знал или догадывался.

В 1954 году Ч. окончил школу с золотой медалью и вместе с двумя одноклассниками – его ближайшими друзьями, тоже медалистами – впервые в жизни поехал в Москву, о которой так много слышал от родителей, покинувших ее поневоле. Успешно пройдя собеседование (в тот год конкурс медалистов был 25 человек на место), он поступил на филологический факультет МГУ (заметим, что оба его друга-одноклассника также поступили с первого захода – без помощи родителей или кого бы то ни было – туда, куда хотели: один на физический факультет МГУ, другой – в геологоразведочный: так учили в школе Щучинска, население которого составляло тогда всего 20 тысяч). Помощь отца понадобилась только когда выяснилось, что успешному абитуриенту – 16 лет: в Московский университет, в отличие от других вузов, принимали тогда с 17-ти лет. Отец приехал в Москву и пошел на прием к ректору Петровскому с просьбой в виде исключения зачислить 16-летнего абитуриента; ректор дал согласие. Ч. был едва ли не самым младшим на курсе. Сегодня немало его однокурсников еще могут подтвердить, что уже на первом курсе он оказался среди лучших – обладателей достаточно широкого культурного кругозора, нетривиально мыслящих.

В первом же семестре Ч. проявил себя отличным спортсменом (первая «десятка» университета по плаванию), но на третьем курсе, когда в неделю оказалось пять тренировок, вынужден был сделать выбор в пользу науки; его тренер, известный многократный чемпион страны по плаванию Мешков, уверял, что он делает ошибку: «Ты прирожденный брассист! Я тебя готовлю на будущий год на Спартакиаду, а через три года – на Олимпиаду!..»

В Москве он в первую очередь бросился в Большой зал Консерватории. Прекрасно знавший классическую музыку (слушая ее по радио в родном городе), он любил и глубоко чувствовал ее. Одна из самых первых записей в его дневнике, начатом на втором курсе, весной 1956 года:

9 марта. Слушал вечером (попал – повезло) 7-ю и 8-ю симфонии Бетховена. Какой оптимизм, какое веселье, какой задор! Третья часть седьмой с ее славянскими мелодиями...

Решение вести дневник получает свою мотивацию (как и все его действия первых московских лет) – в самом дневнике (см. запись от 19 апреля 1956 г.)

Главные его занятия (и главные траты – скудной стипендии и небольших родительских переводов) первых московских лет – Консерватория, МХАТ и букинистические магазины. В прямом смысле слова отказывая себе в еде ради книг и музыки, на третьем курсе Ч. заболел язвой двенадцатиперстной кишки в такой острой форме, что прямо из рентгеновского кабинета университетской поликлиники был увезен в больницу и на четвертом курсе вынужден был взять годичный академический отпуск. (Тогда же он поставил себе задачу – вернуть здоровье и спортивную форму. Через несколько лет, когда слово «моржи» еще не появилось, занялся зимним плаванием и на первых же соревнованиях на Москве – реке занял третье место – следом за профессиональными спортсменами – мастерами спорта.)

Каждый день после лекций Ч. непременно обходит пять магазинов в центре Москвы – собирает главным образом филологическую литературу 1900–1920-х годов (иногда прибавляя к ней – по средствам! – философию и поэзию Серебряного века, еще не имеющего такого названия), рано поняв (каким-то наитием), что рекомендуемое на филфаке советское литературоведение к науке имеет отдаленное отношение; к концу пятого курса он досконально освоил труды Тынянова, Шкловского и Эйхенбаума; похвастаться этим в те годы могли не более трех-четырех его сокурсников.

Характерная дневниковая запись 1958 года:

19 июня. <...> Сегодняшний поход по букинистам был удачен. Но на Кузнецком буквально из-под носа взяли Мандельштама!.. «Огорченья не снесла»...

(Позже вставлен инициал – «И.». Речь шла об изданной в 1902 году книге И. Мандельштама «О характере гоголевского стиля», впоследствии им приобретенной. Купить книги О. Мандельштама – в отличие от книг Гумилева – в букинистических в ту пору было невозможно – М. Ч.)

Главные его силы отданы филологии. Он занимается на кафедре русского языка; начинает печататься (Стиль и язык рассказа Чехова «Ионыч» // Русский язык в школе, 1959, № 1); пишет диплом о стиле Чехова под руководством академика В. В. Виноградова.

Уже в студенческие годы, Ч., не будучи диссидентом (хотя, естественно, диссиденты входили в семейный дружеский круг Чудаковых), столкнулся с давлением советской власти на свою научную жизнь. Студентом 5-го курса он был приглашен на I Международную конференцию по вопросам поэтики, проходившую в августе 1960 года в Варшаве, – она должна была стать настоящим научным событием: изучение поэтики в странах «социалистического лагеря» только возрождалось после ликвидации «формальной школы». Тогда Ч. впервые не выпустили за рубеж. С этого времени он стал *невъездным* (разумеется, как это было принято, без объяснения причин). В последние годы жизни в домашних разговорах Ч. вспоминал именно этот первый случай, глубоко его травмировавший: «Если бы я поехал на эту первую конференцию по поэтике, которой был так увлечен, – каким бы толчком могло это стать в моих научных занятиях!...»

В аспирантуру в те годы поступать сразу после Университета было невозможно, несмотря на рекомендацию Ученого совета: Хрущев потребовал, чтобы и рекомендованные в аспирантуру наряду со всеми выпускниками отработали два года прежде, чем начать научные занятия. По распределению А. П. стал преподавать русский язык в только что открытом Университете Дружбы народов – и едва ли не первым стал активно применять лингафонные средства, добиваясь больших успехов; восхищался лингвистической одаренностью студента одной из африканских стран – на новогоднем вечере 1961 года тот читал наизусть стихи Пушкина без единой орфоэпической ошибки...

Спустя год, летом 1962 года, при содействии акад. Виноградова проректор МГУ принял у Ч. документы (до этого безоговорочно отказав в этом) и допустил к экзаменам в аспирантуру; на А. П. произвело неизгладимое впечатление поведение проректора: не смотревший

в его сторону при первом визите чиновник после звонка академика вышел к нему из-за стола со словами: «Что же Вы нас совсем забыли?!...».

Под научным руководством В. В. Виноградова была написана кандидатская диссертация Ч. «Эволюция стиля прозы Чехова» (М., 1966).

В 1962 году Ч. познакомился с В. Б. Шкловским и, сразу же возбудив его интерес (прежде всего – как знаток Опояза) и несомненную симпатию, все последующие годы, до последних дней жизни Шкловского, встречался с ним; не боясь преувеличений, можно утверждать, что мемуары Ч. «Спрашиваю Шкловского» (Литературное обозрение, 1990, № 6) – едва ли не лучший очерк личности Шкловского. Впоследствии в его же предисловии к сборнику Шкловского «Гамбургский счет: статьи – воспоминания – эссе» (М., 1990) под названием «Два первых десятилетия» дан очерк самого плодотворного периода научного творчества Шкловского.

Серьезным шагом в изучении «формальной школы» стала работа (совместно с Е. А. Тодесом и М. О. Чудаковой) над обширнейшим комментарием к сборнику статей Тынянова – и изнурительная четырехлетняя борьба за его издание (Ю. Н. Тынянов. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977); ему предшествовало издание сборника статей Тынянова «Пушкин и его современники» (М., 1968; комментарии Ч. и А. Л. Гришунина). Работа над историей отечественной филологической науки продолжалась все последующие годы; впоследствии, в 1976–2003, со статьями и комментариями Ч. вышли 4 тома «Избранных работ» В. В. Виноградова.

Ч. занимался и критикой современного литературного процесса; первая большая работа о современной литературе – «Искусство целого: Заметки о современном рассказе» (Новый мир, 1963, № 2; в соавторстве с М. О. Чудаковой, с 1957 г. – его женой).

В 1964 году, приглашенный к участию в начинавшемся академическом издании Чехова, Ч. оставил очную аспирантуру и стал сотрудником ИМЛИ, где проработал до конца дней. Одновременно читал лекции в МГУ, в Педагогическом институте им. Ленина, в Литературном институте, в последние годы – в Школе-студии МХАТ.

Первая книга А. П. Чудакова «Поэтика Чехова» вышла в свет в ноябре 1971 года; в ней, помимо новой концепции чеховского повествования – места в нем точки зрения автора и героя, было развернуто представление о принципиальной неотобранности и неиерархичности деталей у Чехова и введено в научный оборот понятие *случайности* – в противовес многолетней уверенности исследователей, что всякое ружье у Чехова стреляет. В статье видного партийного чиновника (по совместительству чеховеда) Г. Бердникова «О поэтике Чехова и принципах ее исследования» (Вопросы литературы, 1972, № 5, с. 124–141) книга была подвергнута идеологическому разному (в том же году ее высоко оценил М. М. Бахтин, назвав в беседе с автором «лучшей книгой о Чехове и вообще одной из лучших книг по филологии в последнее время»; книга получила признание мирового чеховедения, в 1983 году была переведена на английский язык). За этим последовал негласный запрет (действовавший в течение десятилетия) на печатание любой строки автора о Чехове в двух главных советских литературоведческих журналах. Условием защиты докторской диссертации в ИМЛИ был отказ автора от своей концепции. Так и не отказавшись, а, напротив, развив ее, Ч. защитил в 1982 году на филологическом факультете МГУ диссертацию «Художественная система Чехова: генетический и психологический аспекты» (один из оппонентов, М. Л. Семанова, рассказала собравшимся после защиты на кафедре русской литературы филфака, как в 1978 году редакция журнала «Русская литература» предложила ей написать обзор чеховианы за последние восемь лет, поставив одно условие – не упоминать книгу Чудакова. «– Как же я могу ее не упоминать, если это самое яркое

явление чеховианы за эти годы?» – возразила М. Л. Ей подтвердили условие. Она отказалась писать обзор)¹.

В 1986 году, через 15 лет после «Поэтики Чехова» вышла продолжающая ее монография Ч. «Мир Чехова. Возникновение и утверждение». Книга была посвящена памяти учителя Ч., академика В. В. Виноградова. По библиографии работ Ч. о Чехове этих пятнадцати лет буквально по шагам просматривается путь к ней исследователя. Как член чеховской группы ИМЛИ, готовившей в те годы первое академическое собрание сочинений и писем Чехова, Ч. много и плодотворно занимался текстологией и научным комментированием томов сочинений Чехова, что придавало его теоретическим построениям дополнительную убедительность и глубину. Для некоторых из томов он написал образцовые предисловия к комментариям. Он напечатал за эти же годы большое количество научных статей и несколько предисловий к массовым изданиям Чехова. И каждая из этих работ приближала создание монографии «Мир Чехова», новаторство которой начиналось с заглавия. Никто до Ч., кажется, не пытался придать этому устойчивому для литературоведения, но достаточно вольно используемому в научных работах словосочетанию статуса научного термина (мир писателя, по определению Ч. – это «оригинальное и неповторимое видение вещей и духовных феноменов, запечатленных словесно» (с. 3)). Никто до Ч. не пытался проследить и самый процесс «возникновения и утверждения» этого мира в свете основного двигателя литературной эволюции – «художественной целесообразности», за которой просматривался исторически обоснованный взгляд исследователя на самый генезис литературы. Работа над «Миром Чехова» продолжала, углубляла и выводила на новый уровень как саму концепцию творчества Чехова, введенную в научный оборот еще «Поэтикой Чехова», так и предложенную исследователем методологию анализа художественного текста. Сам Ч. считал, что с точки зрения хронологии и генезиса творчества Чехова его новая книга должна была бы предварять прежнюю. Однако опасение представить творческий путь писателя как «предуготовление» к чему-то заранее обозначенному, в виде целеустремленной эволюции без боковых и тупиковых ветвей, заставило отказаться от этой эвристически заманчивой мысли.

Он выбрал путь исследования, который его учитель академик Виноградов считал наиболее плодотворным. Если литературное произведение можно изучать в двух аспектах – «функционально-имманентном» (системно-синхроническом) и «ретроспективно-проекционном» (историко-генетическом), то наиболее плодотворным, по Виноградову, является исследование, совмещающее эти подходы в виде последовательных этапов. Но Ч., следуя своему личному переживанию литературы как особой целостности процесса художественного познания, которую он остро чувствовал именно как литератор, должен был пойти дальше и объединить эти два типа исследования, рассматривая их так, как они присутствуют в этом живом процессе. Безукоризненный научный анализ и мощная писательская интуиция стоят во главе угла научного мышления самого Ч. Это ощущается и в его личной стилистике – научной точности изложения с прорывами в стилистику иного, непосредственного переживания литературного процесса, в формулировках, для которых нужен был опыт и дарование литератора. На стыке этих двух стилистических потоков происходит огромная концентрация смыслов чудаковской концепции Чехова. Таковы многие неожиданные «боковые» и столь продуктивные для будущего изучения Чехова идеи Ч., которые он как бы случайно пробрасывает, подчиняясь логике личного ощущения материала исследования, – о чувстве «нормы» прижизненной критики, которая у критиков-современников писателя значительно живее и правильнее, чем у потомков, о поэтичности Чехова на уровне поэтики текста. При этом сам Ч. не просто продуцировал идеи, озаренный собственными прозрениями, но изучал прижизненную критику, как профессиональный библиограф, просмотрев *все* российские газеты чеховского времени (1880–1904).

¹ Дальнейший текст биографии Ч. написан И. Гитович.

Вопрос об истоках мира Чехова, о факторах, воздействующих на формирование этого художественного мира, мысли о массовой литературе, сформировавшей феномен Чехова, – все это сегодня предстает перед нами как саморазвивающаяся школа научного чеховедения.

В десятистраничном предисловии к «Миру Чехова» Ч., по сути, выстроил общую модель универсального способа описания «мира писателя», его основных составляющих: это – «человек, его вещное окружение – природное и рукотворное, его внутренний мир, его действия» (с. 3). При этом мироописание в этих параметрах предполагает выяснение законов построения содержаний, исходя из которых можно было бы сказать, что такое-то явление характерно именно для мира Х.

Еще в «Поэтике» он выдвинул, а в «Мире Чехова» развил и укрепил систему аргументов главной своей идеи, которую считал основополагающей для мира Чехова – идеи *случайности*, восходящей к мировосприятию писателя. Чеховская художественная система, рассматривавшаяся уже при жизни писателя как недостаток его дарования, фиксирующая прежде всего незакономерное, как бы даже необязательное – то есть собственно случайное, расширяла на самом деле тем самым возможности искусства. Ч. показал, что изображенные Чеховым эпизоды, детали, действия людей сопрягаются где-то в другом, «неевклидовом» пространстве. Чеховские ружья во всех случаях стреляют, но их пули напоминают скорее дальнобойные снаряды, разрывающиеся где-то за линией горизонта, так что до нас доносится лишь мощный и слитный гул.

При таком расширенном понимании самой художественной целесообразности явление получает право быть изображенным не только в своих существенных чертах, но и в сопутствующих, преходящих, случайных – «тех, что всегда могут возникнуть в живом, нерасчленном потоке бытия» (с. 364). Изображенный им мир выглядит естественно-хаотично, манифестируя этим сложность мира действительного, о котором нельзя вынести последнего суждения. Индивидуально-случайное в мире Чехова имеет самостоятельную бытийную ценность и равное право на воплощение наряду с остальным – существенным и мелким, вещным и духовным, обыденным и высоким. Ч. таким образом сформулировал особенности уникального, не повторенного после него никем, мышления Чехова-писателя, сближающего его с актуальным для времени научным мышлением, лежащим в основе той новой картины мира, которая складывалась на рубеже веков.

Ч. рассматривает в двух своих книгах и множестве статей о Чехове этого времени процесс возникновения в его творчестве предметного изображения нового типа. Ч. вообще первым обратил внимание на важность исследования *предметного мира* литературы:

Рождение художественного предмета – это объективация представлений художника, это процесс, где мир внутренний сталкивается с проникающим в него внешним, и с момента этого проникновения несет на себе его явственные следы. В этом столкновении реально-эмпирическое имеет преимущество – писатель может говорить только на языке данного предметного мира, только так он может быть понят. Поэтому всякий писатель естественным образом социален: любое надвременное и вечное воплощается им в вечном обличье той эпохи, к которой он принадлежит.

Обращение к предметности и случайности чеховского мира совершенно иначе поставило вопрос о смысле обращения Чехова к *повседневности* как форме и философии жизни, что оставалось и до сих пор остается до конца не ясным для многих читателей Чехова. Ч. обращается к истокам новых для литературы сюжетно-композиционных принципов, использованных Чеховым, к вопросу о «внешнем и внутреннем мире», сравнивая фабулу и сюжет у Чехова, он совершенно по-новому ставит на основании этого проблему героя Чехова как проблему «среднего человека». Наконец, он намечает связь между художественным миром и био-

графией писателя, открывая пути для создания полноценной биографии Чехова. Каждая из этих тем не просто могла и должна была бы быть развернута в самостоятельную монографию, но содержит огромное количество как бы случайно возникающих, боковых, но необычайно продуктивных для дальнейшего изучения Чехова и чеховской литературной эпохи идей, еще требующих своего исследователя. Ч., по существу, намечает в этой книге и своей чеховиане возможную эволюцию парадигмы научного чеховедения.

В основе методологии Ч. лежит великолепное знание им методов и сути академических школ литературоведения, замечательная интуиция ученого и литератора, доскональное знание предшествующей ему литературы о Чехове, знание биографии и эпохи писателя в фактах и документах. Ч. исходил из того обстоятельства, что самый путь Чехова в литературу (через массовую литературу и мелкую прессу) был уникален для русской литературы. В книге немало блестящих страниц, посвященных анализу этой литературы, читателем и «выдвиженцем» которой был Чехов. Рассматривая это опытное поле писателя, исследователь выдвигает ряд интереснейших гипотез и еще больше дает толчков будущим исследователям. Это был новый тип художественно-философского постижения мира писателя, не только не бегущий быта, вещи, но вместивший их в медитирующее сознание, надстраивающееся над ними. Этими словами открывается возможность новой специальной монографии о Чехове, никем еще не написанной, но смогшей объяснить многое из неразгаданных загадок Чехова и снять с писателя многие претензии – в частности, отсутствие романа в его творчестве, который Чехов так и не смог написать. Очевидно, мы еще только на пороге постижения сути типа чеховского мышления, его генезиса и открываемых им путей возникновения и утверждения подобного сознания в литературе².

В 1987 году в издательстве «Просвещение» вышла биография «Антон Павлович Чехов: Книга для учащихся» (переиздана в 2013 году издательством «Время» с добавлением фото-иллюстраций), где таганрогское детство и отрочество Чехова предстали в необычном свете – в морском, портовом городе, где «в разгар летней навигации пароходам и парусникам со всего света было тесно в гавани». В основном подготовил к печати полную аннотированную библиографию прижизненной чеховской критики. Написал несколько мемуаров о старших коллегах – своих учителях: «Слушаю Бонди», «Учусь у Виноградова», «Спрашиваю Шкловского» и др.

Весь русский XIX век был в поле зрения ученого; но главным объектом его внимания наряду с Чеховым был Пушкин; изучая поэтику его прозы, Ч. мечтал также если не создать целиком (понимая неподъемность задачи), то положить методологическое начало тому, что он называл *тотальным комментарием* к «Евгению Онегину».

Необходим скрупулезный учет, проследивание того, как *рождаются и накапливаются* те художественно-философские и речевые смыслы, которые обеспечили уникальный статус «Евгения Онегина» в истории русского языка, литературы и русской культуры в целом.

Разумеется, исчерпывающий комментарий (если он возможен) может быть выполнен лишь коллективным иждивением лингвистов, историков, географов, флористов, астрономов, архитекторов, специалистов по истории театра и конной запряжки, гастрономии и винам, костюмам и истории оружия, дуэли и фарфора, истории экономических учений и балету, экспертов по российскому землеустроению и кредитно-банковской системе, по коврам, обоям, мебели, гаданьям и отечественной системе воспитания и образования, экспертов по коневодству и истории шахмат.

Комментирование двух строф из «Евгения Онегина» в настоящей статье автор рассматривает лишь как постановку проблемы его *тотального комментария* (К проблеме тотального комментария «Евгения Онегина» // Пушкинский сборник. М., 2005. С. 212).

² Дальнейший текст написан М. Чудаковой.

С 1987 года (до этого, будучи предполагаемым участником ряда Международных съездов славистов, ни разу не был выпущен за пределы страны, как и ни на один чеховский симпозиум, куда его неизменно приглашали) преподавал в качестве визитинг-профессора в университетах Европы (Гамбург, Кёльн), США (Мичиганском, Университете Южной Калифорнии, Принстонском и др.) и Азии (в Сеуле).

В 2000 году журнал «Знамя» напечатал его роман «Ложится мгла на старые ступени» («одну из самых свободных, благородных и насущно необходимых книг, созданных после освобождения от коммунизма», А. Немзер), принесший автору редкостное внимание и любовь самых широких кругов читателей. В декабре 2011 года жюри Букеровской премии назвало эту книгу «лучшим русским романом десятилетия» (2001–2010).

Глубоко затронутый судьбой своей страны, Ч. постоянно мыслил в масштабах судьбы планеты. С юных лет озабоченный проблемами экологии (тогда, когда этого термина еще не существовало в советском официальном дискурсе), он посвятил этому проникновенные строки в «Поэтике Чехова», подчеркнув, что для Чехова был важен не только абстрактно-духовный идеал человека. Ему важен человек в целом – он сам и тот предметный природный мир, в котором человеку предстоит жить.

Во времена Чехова – и даже много позже – ценность такого идеала не осознавалась, в сравнении с другими он выглядел слишком утилитарным и «земным». <...> Среди немногих проницательных, которые по слабым симптомам поставили диагноз начинающейся тяжелой и, возможно, смертельной болезни, угадали и предвидели судьбу планеты, был Чехов (Поэтика Чехова. М., 1971. С. 267, 269).

В своей повседневной жизни Ч. следил за тем, чтобы он и его семья не увеличивали загрязнение планеты – в бане на выстроенной им даче (в поселке «Московский писатель» в деревне Алёхново Истринского района, недалеко от «чеховского» Бабкина) проложил много слоев фильтра для стока мыльной воды и с плохо скрытым презрением относился к тем соседям по даче, которые спускали продукты своей жизнедеятельности непосредственно в землю: говорил домашним с возмущением – «Ведь все это попадает в грунтовые воды!».

Статья для готовящегося его Институтом сборника о *динамике жанра* как части поэтики русской литературы конца XIX – начала XX века «Ароморфоз русского рассказа (к проблеме малых жанров)» стала его последней работой.

Биологический термин *ароморфоз* – «это усложнение структуры и возможностей организмов в процессе эволюции, открывающие перед ними новые возможности в их взаимоотношениях со внеположенной средой».

В исторической поэтике, пояснял автор, «вводимый термин означает огромное расширение в означенный период горизонтов одного из самых распространенных жанров новейшей литературы – рассказа», открывшее в этом жанре невиданные дотоле перспективы в изображении мира и человека. Ч. вообще предпочитал в гуманитарных науках заимствование терминов из естественных наук – в противоположность так называемым наукам точным. Оправданием введения термина, пояснял он, «служит давняя уже традиция, согласно которой многие важнейшие термины-категории истории и теории литературы имеют биологическое происхождение. Таковы генезис и эволюция, закрепление в развитии литературы случайных результатов (Ю. Тынянов), мутации (Е. Поливанов, В. Виноградов), конвергенция...». В работе Ч. показано, как из прозы конца века осознанно уходит выдумка – под давлением «быта, факта, материала», как «жанровая свобода малой прессы привела к стиранию на рубеже веков жанровых перегородок в сфере «малообъемной» литературы»; в качестве подзаголовков – обозначений жанра в изобилии появились разнообразные свободные обозначения: «случай», «отрывок», «этиюд», «миниатюры» <...>.

Поле литературы ждало только землеустроителя и садоводановатора, литературного Мичурина-Бербанка, который окончательно уничтожил бы жанровые межи и, используя в качестве подвоя дички маложурнальной и газетной прессы, привил бы им окультуренный привой художественного «языка» большой литературы». Современная критика обвиняла авторов в «дагерротипичности», «фотографичности» изображаемого, отмечая «необязательность многих вещей, эпизодов, сцен, оказавшихся в их произведениях». В прозу вводятся предметы, почти прямо взятые из эмпирического мира и всегда готовые «вернуться в него обратно, где будут приняты как свои.

Предметы рассказа Чехова внешне схожи с такими вещами, сохраняют их пропорции. Но сходство это мнимо. Центробежным силам этого предметного сообщества противостоят центростремительные, внутренние силы художественной гравитации, чеховского мира, направленные противоположно, приложенные к той же точке и создающие искусственно напряженность. <...> Явился новый синкретический жанр. Влияние его ощущается в литературе до сих пор (Поэтика русской литературы конца XIX – начала XX века. Динамика жанра. Общие проблемы. Проза. М., 2009. С. 365–396).

По своему темпераменту он не был борцом, не любил, когда его отвлекали от занятий, чтения, писания, дачных его работ, во время которых ему так отлично думалось, – напишут его коллеги по Институту, – но, человек спокойный, неторопливый, берегущий время и силы для научного творчества, он буквально взвизывался, когда сталкивался с халтурой и наглым невежеством, и тут его легко было подвинуть на действие, протест. Он мгновенно соглашался «быть заодно», когда речь шла о противодействии научному любительству или культурному варварству. И это качество не раз заставляло Чудакова вступать в настоящую борьбу за осуществление необходимых науке и культуре изданий или сохранение истинных ценностей, будь то биобиблиографический словарь «Русские писатели. 1800–1917» или чеховский флигель в Мелихове (In memoriam. Александр Павлович Чудаков // Поэтика русской литературы конца XIX – начала XX века... С. 811–812).

Добавим сюда и успешную борьбу российского общества против печально известного проекта *поворота рек*, в которой он без размышлений принял живое участие.

9 января 2005 года записал: «С тех пор как в моей душе (лет в 12) открылась дверца в литературу и науку – ее уже сможет закрыть только смерть».

После отпевания в церкви Космы и Дамиана (Столешников пер.) похоронен на Востряковском кладбище.

Соч.: Слово – вещь – мир: От Пушкина до Толстого. Очерки поэтики русских классиков. М., 1992; Ложится мгла на старые ступени. Роман-идиллия. М., 2001; 3 изд., испр. и доп. М., 2012; К проблеме тотального комментария «Евгения Онегина» // Пушкинский сборник. М., 2005. Дневник последнего года (1 января – 31 августа 2005) // Тыняновский сборник. Вып. 12. М., 2006; Ароморфоз русского рассказа: к проблеме малых жанров // Поэтика русской литературы конца XIX – начала XX века. Динамика жанра. Общие проблемы. Проза. М., 2009.

Лит.: Немзер А. Памяти Александра Чудакова // Время новостей, 5 окт. 2005 г.; Бочаров С. Синяя птица Александра Чудакова // Филологические сюжеты. М., 2007; М. М. Бахтин о «Поэтике Чехова» // Тыняновский сборник. Вып. 13. М., 2009; In memoriam. Александр Павлович Чудаков // Поэтика русской литературы конца XIX – начала XX века. Динамика жанра. Общие проблемы. Проза. М., 2009.

I

Слово Александра Чудакова

Из дневников, записных книжек, писем

1956

[А. Чудаков – студент 2 курса филологического факультета МГУ, с успехом прошедший в 1954 году собеседование – при конкурсе 25 медалистов на одно место; ему 18 лет.]³

9 марта. Слушал вечером (попал – повезло) 7-ю и 8-ю симфонии Бетховена. Какой оптимизм, какое веселье, какой задор! Третья часть седьмой с ее славянскими мелодиями... Мне кажется даже, что я слышал какую-то русскую песню, где есть эта, основная для части, мелодия... Какое-то особое, безоблачное настроение, какого никогда не бывает. Велика очищающая сила искусства! Испытываешь какой-то духовный катарсис, душа очищается от пошлости и грязи, стремится в заоблачные выси...

Вечноживущая музыка!

А попал я туда так. Ещё днем узнал, что вечером – Бетховен. Пошёл. У здания – человек 15 таких же гавриков. Билет достать совершенно нет никакой возможности. Но я не терял надежду до конца. Долготерпение было вознаграждено. Уже несколько минут в вестибюле около окна стояла какая-то тётя, с надеждой, тоской и ожиданием глядя в окно. Я почуял, что здесь пахнет билетом. Стал делать по залу круги, постепенно сужая их. Наконец я так близко прошёл возле неё, что она не могла меня не заметить. Я умоляюще посмотрел на неё, но ничего не сказал и отошёл вглубь фойе. Она снова отвернулась к окну. Но я уже решился. Бормоча извинения и стараясь придать своему облику робко-наивный вид, спросил тихо: «Нет ли лишнего билетика?» Она ещё раз глянула в окно, секунду о чём-то подумала и вдруг решительно сказала: «Пойдёмте!»

Мы ходили к администратору, чего-то подписывали, о чём-то говорили. Но я уже мало соображал в эту минуту. Через несколько минут я уже сидел в амфитеатре.

[Без даты, та же весна]

История моего современника.

Попробовать написать историю молодого человека нашей эпохи, используя автобиографический материал, но не давая своего портрета.

1. Наивная вера во всё – 8–9 класс, хотя дед и говорил – газеты – [определение газет – явно пейоративное – тщательно зачеркнуто автором], зачем культ личности, жизнь колхозов (его взгляд), вообще.

Он – не консерватор, положительные явления усматривал (народы – равны, промышленность).

Я (будет от «я», может, писать в форме дневника?) спорил с ним, доказывал, *но зерна в душе были.*

³ В квадратных скобках здесь и далее – примечания публикатора. Курсивом передается подчеркнутое в дневнике (даты записей и прочее) самим автором волнистой чертой, курсивом и подчеркиванием – подчеркнутое прямой.

Написать так: нам попало несколько тетрадей из жизни Носорогова [под псевдонимом «А. Носорогов» А. П. Чудаков публиковал статьи в курсовой стенгазете «Молодёжная»] в разные годы – небольшая школьная тетрадка из 5-го класса, из 8-го и 10-го и из университета. Эволюция психологии ребенка. (В ранних тетрадях – ничего о взгляде на мир, только забавные эпизоды, переложенные, рассказанные дедом.) Потом – 7 класс – увлечение чтением и т. д., первые неясные мысли о всём (использовать тетрадку), вклинить кое-какие события международной жизни. Эволюция должна быть заметной, умелой. Язык – в первых – детская простота – Носов, комические эпизоды. Показать, показывать везде, на протяжении всех детских лет, как преломляются в детском сознании *важные* общественно-политические вопросы, пионерская жизнь, комсомол, политика.

Дружба, мысли о друзьях, их детская жестокость, мысли об идеальной дружбе; романтика – шпионы и т. д.

Романтика.

Он всегда был *романтиком*.

Детство – шпаги, мушкетёры, «таинственные знаки», шпионы, непроницаемость, владеть своими чувствами, настроением, расшифровывание разорванных записок, записок зачеркнутых, пережёванных, цифры, моргание глазами по азбуке Морзе (с помощью головы) и т. д.

Цветы.

Отношение к *разным наукам*. О своей воле мысли. Добрые начинания. Герой – не идеал, а обычный мальчик.

Любовь. I тетрадь – нет. II – очень робко, намёком ... 10 кл. – ревность, чистота и т. д.

Когда впервые стал чувствовать *прекрасное*.

Это очень сложный вопрос, и *в этом – вся соль*. (Прочесть все книжки-брошюры об *эстетическом* (ха!) воспитании, дабы не впасть в эту ошибку.) Этот вопрос ещё не разрешён.

В связи с педагогикой – *характеристика провинциальной школы*, учителей, всего с этим связанного.

Школьные товарищи. Городок вообще. Самое главное – как можно компактнее, иначе это растянется на многие страницы. Но не за счет содержания. Вставить свои ранние стихотворения и еще раздобыть ранних стихов.

Спорт, игры, футбол, лыжи.

Все стороны жизни.

Учебный процесс – интересно учиться или нет, как детским сознанием воспринимается *необходимость* и какова здесь роль увлекательности т. д.

Детство: «Колыбельная» Моцарта. «Спи, моя радость, усни...».

[Через несколько месяцев автор дневника делает запись – на свободном листе непосредственно вслед за этой.]

19 сентября. Прочел все это. Может быть, действительно, получилось бы у меня. Вообще, мне кажется, я бы мог написать что-нибудь. Ведь должна найти применение моя способность изучать самые разнообразные и, казалось бы, никакого отношения к филологии не имеющие предметы. Я иногда сам удивляюсь – черт знает какой ерунды я только не знаю! Хорошо, что нахватался этого ранее, в школе, читая подряд все журналы и газеты. Не может быть, чтобы все это прошло даром!

Должны пойти на пользу и навыки по самостоятельному изучению эпохи. Не написать ли как-нибудь историческую повесть? О художнике, писателе? Ведь их настряпаны кучи, причём зачастую весьма низкопробных.

А стилистика? Зачатки понимания языка? Ведь сейчас я уже не могу читать что-нибудь, не обращая внимания на стиль, изобразительные средства. Должно же это дать результат и в моем собственном стиле? Посмотрим...

[Вскоре А. Чудаков полностью погрузился в науку. Следы замысла остались лишь в устных рассказах о причудливом быте родного города – однокурснице, которая на 4-м курсе стала его женой (в отличие от героя романа, у него, как и у нее, это был единственный брак). С увлечением слушая эти рассказы, она усиленно призывала его писать. Он, однако, в отличие от нее, постоянно сомневался в своих литературных возможностях. И обратился к юношескому еще замыслу только спустя четверть века.]

19 апреля. Сегодня [после месячного перерыва] решил возобновить писание дневника. Долго думал над целями его. У меня нет потребности «излить свою душу», «довериться единственному другу» и т. д. Нужен он потому, что сейчас я переживаю наиболее интересное время моей жизни, и не оставить в этот период никаких записей – глупо. Это ведь чрезвычайно интересно потом будет узнать, вспомнить, чем жил молодой человек эпохи 50-х годов. Здесь будет все важное, что волнует мой ум и сердце. Хотя это и будет отнимать у меня довольно много драгоценного времени – ну и что ж!

...Вчера появились деньги. Последнюю неделю жизнь вёл поистине собачью – «сшибая» по тройке, по пятёрке у кого только можно... Скверно такое полуголодное существование! Теперь я понимаю, почему пролетарии в интеллектуальном отношении отставали от имущих классов, – когда нечего есть – не очень-то будешь размышлять! Нельзя сказать, чтобы это поглощало всего меня, но всё-таки вещь очень неприятная.

Да и другие живут не лучше.

...Можно было бы рассчитывать каждую копейку, экономить на всём. Но это – не по мне. Я хочу жить нормальной жизнью, хочу выжать из Москвы все, что она может дать. Я хочу ходить в консерваторию, в театры... Но для всего этого денег, разумеется, не хватает... Вот и приходится временами класть зубы на пустые полки нашего шкафа... Но всё-таки я многое успел увидеть и узнать. В два года по зрелищным мероприятиям догнать и перегнать москвичей – нелёгкая задача, но можно сказать, что значительная ее часть мною выполнена.

В МХАТ беру входные билеты по 3 р. Смотрю все «программные вещи». <...>

1958

19 июня. <...> Сегодняшний поход по букинистам был удачен. Но на Кузнецком буквально из под носа взяли Мандельштама!.. «Огорченья не снесла»...

[Позже вставлен инициал – «И.». Речь шла об изданной в 1902 году книге И. Мандельштама «О характере гоголевского стиля», впоследствии приобретенной. Купить книги О. Мандельштама – в отличие от книг Гумилева – в букинистических в ту пору было невозможно.]

4–14 июля. Я дома. Увидел родителей, Наташку... Дед все такой же, в мягкой шляпе и похож на Мичурина. Огород – чудо, из одного корня растет по три вилка капусты. Кукуруза, маки, помидоры. Ни соринки. И в остальном он все тот же – старый скептик. Прочел мне статью из «Комсомольской правды» про создание искусственного солнца над городами, про то, что вскоре растопят льды и обогреют тундру. Хохотал до слез:

– Искусственное солнце!.. А?

Читал мне наизусть из Ветхого завета родословную Иисуса и всех святых.

У родителей – каторжный труд. Папа по 14–16 часов в день.

А я здесь на даровых хлебах в Москве... <...>

5 июня. Узнал, что умер *Кажека*, веселый пьяница-стеколыщик, старик, которого за последние 30 лет здесь никто не видел трезвым.

1965

16 апреля. Страна отмечает 20-летие окончания войны⁴. Единственный неофициальный юбилей. Ничего не забыто.

Слушал днем (случайно, в вестибюле больницы) «Темную ночь», «Танцевать я давно разучился...» – и понял, что даже я, который был ребенком, помню все. Как же помнят они, кто воевал?

Слушал передачу про 57, которые под командованием лейтенанта Очкина 9 дней защищали обрыв Волги у тракторного завода в Сталинграде. Их осталось 6. Лейтенант Очкин жив. Поклон ему, всем, кто командовал ротами, кто умирал на снегу. Память погибшим.

Мое поколение – последнее, которое будет помнить великую войну. Младшие – уже не помнят. И для них – многое проще. Им кажется, что можно простить и забыть, потому что они не помнят, *как* было, не помнят эшелонов чеченцев в легких черкесках в феврале, немцев Поволжья, военной барахолки, безруких инвалидов, поющих «Раскинулась степь Сталинграда», баб в отрепьях с опухшими от голода ногами, костыли, костыли...

1972

31 января.

23.50. Только что прослушал по телевизору 15-ю симфонию Шостаковича. 1-я часть с соло на флейте до меня не дошла, но 2-я с ее одинокими сольными голосами почти всех инструментов, 3 и 4 – когда только-только убаюкаешься в гармонических звуках – и вдруг обрушивается что-то – прекрасно. <...>.

26 апреля, утро. Л. [здесь и далее – инициал домашнего имени М. Чудаковой] пишет обзор для «Записок Отдела рукописей» по фонду Булгакова и страшно мучается обилием мыслей, посторонних жанру. Сейчас, убегая на работу, сказала мне у двери:

– Мое состояние во время работы над обзором можно определить так: я сижу, тупо смотрю в листы, а сама прислушиваюсь к тому гулу мыслей, который стоит в голове. И все они не имеют никакого отношения к обзору.

– Прекрасно.

– Ужасно.

16 мая. Л. с 29-го апреля по 14 мая пробыла в Доме творчества в Дубултах. Привезла 150 страниц обзора по архиву Булгакова. Не обзор архива, конечно, какие обычно бывают, а некий новый жанр – творческая история + текстология + биографическая канва + поэтика. И когда читаешь, то видишь ясно: автор обзора может всё. Я эти две недели доводил с Пересыпкиной комментарии к 7 тому Куприна.

Вчера было заседание кафедры в МГУ – в числе прочих я докладывал о результатах своего спецкурса и курсовых. По ходу заседания решался вопрос, что делать с аспирантами покойного Ломтева. Я сказал Н. С. Поспелову (сидели рядом), что как это ужасно умереть в автомобиле и т. п.

⁴ В 1948 году Сталин отменил День Победы как праздничный (выходной) день. В 1965 году День Победы праздновался впервые – спустя 17 лет (пояснение публикатора).

Н. С. – А тут все говорят, что хорошо, сразу. (Смущенно смеется.) Нет, умереть все-таки лучше в своей постели...

И было ясно, что он хотел сказать – к ней надо подготовиться.

Я стал говорить, что атеисту труднее умирать, чем верующему, что для него там пусто и пр.

– Скорее всего... Но самое ужасное, конечно, что в самый последний момент он увидит, что что-то есть – но уже поздно – и вот это страшно.

...Накануне приезда Л. в субботу пошел в магазин – купить что-нибудь из еды. Стоял в одной очереди за ветчиной 30 минут – кончилась; за фаршем в другой 30 минут – тоже кончился; за молоком тоже минут 20. Это день был как символ загубленных часов, дней, месяцев на магазины, очереди, добывание самых простых продуктов питания. И конца нет – только все хуже. Будь проклято всё. Как Л. сказала Паперному [*младшему – В. Паперному*] – Нам цензура не мешает самоосуществиться. [*М. Ч. добавила: «Мы до нее недобираемся!»*] Мешают очереди в магазинах.

11 августа. Гоголя я начал без особых подходов, сразу, дерзко, сразу стал строить систему и пытаться найти конструктивный принцип. Что-то выйдет? Начал – 25 июля. Одно только ясно – хорошо, что не начал раньше на несколько лет – с моей прежней добросовестной робостью.

Каверин, когда я ему сказал о «Волшебном роге Оберона» Катаева и о силе катаевской изобразительности, сказал: – Да, это у него замечательно, великолепно. Мне этого всегда не хватало.

14 августа.

Все-таки у меня в моей филологии есть две-три *совершенно новые* идеи – а этим не все могут похвастаться.

...Бегаю по холмам и просекам – хорошо укрепляет ноги. Вчера добежал до Ильинского (лесом) и там бегал по местным просекам возле каких-то роскошных глухих дач.

Т<ама> В<ладимировна> Иванова рассказывала (7-го), как Н. Ф. Погодин говорил в 30-е годы: – Я нашел верняк. На всю жизнь. И все будет – и слава и деньги.

Ночь на 15 августа. Перечитал роман поэта [«Д. Живаго» – вставлено позже карандашом. – *М. Ч.*] – не перечитывал его десять лет, с первого чтения. Да, теперь я многое знаю и о многом уже годами думал сам – о чем думал и он. И если так действует сейчас, то как было тогда. И – теперь понимаю – роль его в формировании меня теперешнего велика.

Записал ли я что-нибудь тогда? Наверное нет, побоялся. Сколько такого незаписанного осталось.

Одиночество в Ромашкове – я его запомню. Каждое следующее мое одиночество лучше предыдущего. Долго ль еще?..

Сегодня бегал по левой стороне – лес лиственный и не было той строгой красоты, что в сосновом.

...Для того, чтоб так подействовали эти строки, нужно было, чтоб прошли эти десять лет – жизни нашей с Л.

Из писем Тони: «О Юра, Юра, милый, дорогой мой, муж мой, отец детей моих, да что же это такое? Ведь мы больше никогда, никогда не увидимся. Вот я написала эти слова, уясняешь ли ты себе их значение? Понимаешь ли ты, понимаешь ли ты?»

Из прощания с Ларой: «Больше я тебя никогда не увижу, никогда, никогда в жизни, больше никогда не увижу тебя».

16 августа, 22 часа. Только что приехал на велосипеде из Переделкина (рука не пишет), обратно ехал в темноте.

Был у Бахтина. Много он говорил о л/ведении и критике (записывал за ним). [См. «Диалоги с Бахтиным» в данном издании.]

19 августа, суббота. Ромашково. 30-е годы остались – несмотря ни на что – в памяти этого поколения светлыми потому, что было ощущение приобщения каждого к жизни всего государства, к чему-то значительному – неважно, что часто было псевдозначительным. Такого ощущения не было ни до, ни после.

25 августа. Бахтин, пожалуй, все-таки неправ, когда говорил мне, что прямое слово Гоголя повлияло только на гимназистов. Отголоски этого («где моя юность, где моя свежесть») ощущаются и у Тургенева, и у Помяловского, и у Чехова, и у Бунина («Неужели это она качала меня на руках?»). То есть он показал *возможность* такого слова, возможность прямого и смелого его внедрения. [Вписано позже карандашом: Ему об этом сказал – мне это возражение, как и в случае с Гегелем, показалось основательным. Но он ничего не ответил, как и тогда.]

...Сию, брожу по саду и жду, когда *сами* явятся центральные мысли о гоголевской худ<ожественной> системе. Процесс неконтролируемый и сознанию почти неподвластный. Иногда это как сон – чем больше хочешь заснуть, тем дольше сон не приходит. Но это касается, конечно, особо крупных мыслей общеполитического плана. Средние и мелкие целиком зависят от усилия, от того, насколько сумеешь сконцентрироваться и сосредоточиться.

26-го, ночь. Да нет, ерунда, всегда надо напрягаться, мысль рождается только мучительно, в отбрасывании нелогичного, постороннего, нацеливании – насильственным – на главное. Иногда у меня это получалось.

27-го. Нет, самодвижение все-таки, но – при *предварительных* усилиях.

1973

6 июля, Коктебель. <...> Дважды был у Марии Степановны Волошиной. Второй – сегодня. Навел разговор на Чехова и беззастенчиво записывал.

Она встречала его 14–15-летней девочкой, когда МХТ приезжал в Петербург. <...> Меня не хотели брать на «На дне». Я стала за столом просить Горького:

- Ну ради Христа... Горький так громко:
- Такая дылда и веришь!
- А как же? А мама, а бабушка, все верят?
- Все врут.

Я вскочила и в слезах убежала. За столом зашумели, и помню возмущенный голос Чехова: «Ведь она верит твердо!».

Потом Чехов поднялся за мной наверх и стал гладить меня по голове, по плечам, что-то говорил («Успокойся, все пройдет»), а потом рассказал мне про Каштанку...

1978–1979 Из записных книжек

15/V-78. Всем очевидно, что «Евгения Онегина» восьмиклассникам читать рано. Но что делать? Все-таки читать, ибо стихи – это столько же литература, сколько и язык, а язык надо воспринимать как можно раньше.

«Белеет парус одинокий» – это уже не поэтический образ – это языковой фразеологизм, вошедший в ткань языка, как другие идиомы. Как и басни – ребенок многое не поймет, но усвоит язык.

17/VII-78. Л. Зорин рассказывал, что Шмальгаузен все лысенковское время просидел у себя на даче, нигде не служа. А кто-то говорил, что числился истопником.

* * *

Одни писатели мир только *видят* (В. Катаев, Ю. Олеша). И в *понимании* его и отношении к нему они, пассивно зрительно его воспринимая, почти всегда конформисты (те же Катаев и Олеша). Другие писатели прежде всего постигают его суть (Достоевский), и вещное для них второстепенно. Третьи думают, что постичь суть можно только через вещи (Гоголь), четвертые – что от них, как от ядра на ноге, не избавиться (Чехов). И от каждого нельзя требовать мировосприятия другого!

(О писателях, видящих мир.) К ним, несомненно, относится и Бунин. Ведь вся его философия – смерть, вечность, скарабеи – очень *расхожа*, это скорее *ощущение* этих проблем, чем их философское развитие (как у Толстого, Достоевского, даже у Чехова).

20/VII-78, *Переделкино*.

Шел к мостику в гору – в джинсах, легких дырчатых туфлях – резво (как всегда, когда приходится идти в гору, – так и подмывает на полубег). Навстречу пожилая женщина.

– Скажите, который час?

Я ответил и сначала не понял, что в голосе странного, но потом увидел: на глазах слезы. И она – без всяких предисловий и не стыдясь того, что я пойму, зачем она меня остановила:

– Издалека гляжу – ну точно брат мой Ваня. Он погиб на фронте. Такая же была легкая походка. Весь такой же высокий, громадный. Такие, знаете, ходят – переваливаются. А он – вот так же, легко... Увидела – ну точно он, и – на глазах слезы.

Я [*вставлено позже карандашом*: Антон] пробормотал что-то глупое, что, де, столько лет прошло, и мучительно соображал – что бы сделать ей хорошее? Но так и не сообразил, она махнула рукой и пошла.

5/XI-78. «Моя жизнь состоит из одного монотонного труда, который разнообразится самим же трудом» (Бальзак). И я б хотел. Но только чтоб это был труд, который *я сам* считал бы *настоящим* трудом.

26/XII-78

Если по Spitzer'у искать ключевые словечки у писателей, то у Твардовского это будет – «иной», «иные» (ср. «За далью – даль» в главе про Волгу и других главах).

* * *

5/І-79. Л. сказала, что перечитывание Чехова всегда у нее приводило к двум мыслям: что писать ничего не нужно, ибо такой совершенной прозы все равно не напишешь, и то, что вообще ничего делать не нужно, потому что все равно все бессмысленно.

* * *

В психической разноте отклонений от того отношения к вещам, что современность считает нормой (иногда очень значительном), – залог многих великих побед человеческого разума. И вообще залог разных успехов в более скромных сферах. Два примера. 1) Деяние купца, построившего высотную башню в тайге (это изобразил Вяч. Шишков в «Угрюм-реке»), казалось сумасшедшим. Через много лет это оказалось единственным сооружением на тысячи верст, пригодным для радиостанции. 2) У последней скрипки Страдивари, которую он сделал в 1730 г., в возрасте 92 лет, была странная судьба: она переходила из поколения в поколение с диким завещательным условием: чтобы на ней никто не играл. С этим же условием она была куплена и Юсуповым в середине 19 в. и хранилась у него в особом футляре. Дикости завещания удивлялись не раз.

В 1919 г. скрипка была национализирована. Это была единственная «не постаревшая» скрипка Страдивари – ведь на ней никто не играл. Можно было услышать звук только что сделанного Страдивари. На этой скрипке играют вот уже несколько поколений выдающихся советских музыкантов (я надеюсь, не все время).

21/V-79. Махачкала, г-ца «Ленинград»⁵.

Все растущая отчужденность современного человека от творящей деятельности в *предметной сфере* (не умеет вбить гвоздя) несомненно оказывает разрушительнейшее воздействие на его духовность, только мы еще не можем осознать и понять, почему происходит это разрушение. Из-за гордыни? (Гордыня – всегда ржавчина и яд). Из-за того, что рушится единение всех людей <...>? Подумать.

27/V-79 Махачкала.

Псы⁶

Сейчас много говорят о диких собаках пригородов... Я видел одну такую собаку вблизи. Я занимался тогда дубовым шелкопрядом и жил уже два месяца в Северном Дагестане в дубовой роще возле Буйнакск. В Киеве мне дали 1 кг. грены – личинок (?) – 130 тыс. штук. Я расселил их по роще и наблюдал не на срезанных ветвях, а на растущих. Жил я в большой 6-местной палатке. (О том, как жук-краснотел ел гусениц шелкопряда.)

Однажды я вернулся из своего обхода и сидел на раскладушке. Из-за ящика встала большая собака и медленно направилась к выходу. Я хотел крикнуть, но что-то удержало меня. Собака не оглядываясь, медленно вышла. Это была уже немолодая собака. Я узнал одну

⁵ М. Чудакова была приглашена Союзом писателей (в котором состояли и она, и А. Чудаков) в Махачкалу с 23 по 28 мая на празднование 70-летия Эфенди Капиева (умершего 34-х лет) – героя ее первой книги, вышедшей в 1970-м году в серии ЖЗЛ. Это был случай показать А. П. Дагестан – родину его тестя; к тому же не хотелось оставлять его в Москве после смерти 1 мая 1979 года его отца, Павла Ивановича Чудакова.

⁶ Позже приписано карандашом: «Сделать отд. рассказ». И ручкой: «Рассказ биолога». А. П. познакомился с замечательным человеком Абакаром Гаджиевым – талантливым садоводом, другом юности Э. Капиева; М. Чудакова была знакома с ним с первой своей поездки в Дагестан на 5-м курсе филфака. Возможно, в основу лег его рассказ.

из диких собак стаи, которая жила неподалеку, – по ее редкой масти рыжего цвета. По примятой охапке сена, где она лежала, было видно, что пролежала она в палатке давно.

Продукты мои находились в картонной коробке, даже ничем сверху не закрытой. Она их не тронула. Что ей нужно было у меня в палатке? Зачем она лежала здесь? Значит, она увидела, что никого нет, вошла и легла и долго лежала.

Какая тоска заставила ее покинуть (оставить) стаю хоть на время и погнала ее в палатку человека? О чем думала она это время?

* * *

Про то, как поспорил мой дядя с соседкой и выиграл пса, я кормил его, а потом он сбежал, и поднял на меня ножку, когда я упал (не было ли это где?..).

Про Буяна и мясника⁷.

Косарь (Косьба)

Разбирая архив отца, он обнаружил его тетради, заполненные необыкновенным почерком, там же нашел листок, озаглавленный: Передать Юре (сыну). На коротком листке была только одна запись: «Он прямо попал из своей простой, органической, но действительной жизни в ту отвлеченную сферу, в которую стало русское новобранное общество и русская литература». К. Аксаков.

Получается, что он думал об отце, как пересаженном, а отец – о нем, посмертный диалог, и в результате получается, что рассказ не об отце, а о *сыне*, тут и всё обсуждение славянофильства, и стили ля рус... Все сюда войдет.

Псы. К названиям книг, стоящих у него на полке.

Я никогда не видел более странных и необычных названий («Сарматизация материальной культуры Боспорского царства»), которые содержали бы столько информации и которые хотелось бы читать: Сарматизация! Значит, там будет про сарматов. Маткультуры! И про это будет – и у сарматов и в Боспорском царстве!

Другие названия были совсем простые – но эти книги хотелось прочесть еще больше. «Сурки и места их обитания». Это была очень толстая книга, и было ясно, что из нее безусловно все можно узнать о сурках и исчерпывающие сведения о местах их обитания. Небольшая книжка называлась кратко и энергично «Верблюдоводство». Это слово так понравилось NN (он <философ> <гуманитарий> преподаватель русского языка), что он потом на уроках все время с удовольствием не к месту его повторял. И потом, уже через несколько месяцев, в поезде, так надоел попутчику, что тот грубовато сказал: – Что ты тычешь меня своим верблюдоводством? – и добавил еще одно крепкое слово.

Хозяин, заметив, что NN держит эту книгу, сказал грустно:

– Серьезная проблема.

NN, привыкнув из общения с Иннокентием, что со всеми животными плохо и становится все хуже, почему-то надеялся, что хоть с верблюдами все в порядке. Ведь вряд ли их кто-нибудь уничтожает, отстреливает, отлавливает, травит дустом, уничтожает их пастбища – ведь им и пастбищ-то никаких не нужно! – охотится за шкурой или горбами... Вон и книжку выпустили – значит, разводят... Но оказалось, что ничего подобного. Над верблюдами нависла смертельная угроза. И только в Австралии...

24/VII-79. Судьба

Я был связан с ними странным образом. Т. е. я не был связан, но стал их судьбой, не будучи им особенно близок, ни...

⁷ Приписано карандашом.

Началось с того, что я их и свел снова после разлуки, когда у них уже были дети, они пришли ко мне по отдельности – а потом уже вместе. А потом Люда не встретила со своим мужем на Ленинском проспекте, т. к. опаздывала на мой доклад в Ист. Музее, и он попал под автомобиль. И т. д.

14/I-81. Роман, пожалуй, единственный *честный* жанр, где автор говорит до конца то, что *может* сказать. Рассказ – по сути дела, если не жульничество, то фокус: мелодика, намек, деталь, оборванность, недоказанность намекают на то, что автор не сказал, потому что, скорее всего, и не знал!

24/VI-83.

«Псы»

Эколог (или другой персонаж, болезненно переживающий всё, беспрерывно говорящий о гибели природы):

– Дождевой лес гибнет!

– Какой?

– Это термин. Влажно-тропический. К концу века он исчезнет! Сейчас его – 1 млрд. га! А в год он сокращается на территорию, равную половине Англии!

– Откуда у тебя такие сведения?

– Неважно. В «Нэшнл джиографик» опубликовано. Уничтожить это чудо! Эту главную кладовую генетического фонда планеты! Ты знаешь, что такое парниковый эффект?

– Когда в одном месте тепло, а в других холодно.

– Да. Леса не будет, некому будет поглощать углекислоту от сжигания огромных количеств угля и нефти, углекислый газ накопится и накроет землю, как шапкой. Климат потеплеет, растают ледники Антарктиды, уровень мирового океана поднимется на 50–100 метров. Ты представляешь, что это – сто метров? Голландии – не будет!

Юга Франции – не будет! Только волны, волны...

– Ты какой-то библейский потоп рисуешь. Еще про Арарат и Ноев ковчег расскажи.

– Да! Люди скучатся на возвышенностях. Равнины затопит. Начнется борьба за жизненное пространство. Война всех против всех.

– Каменный век...

– Хуже! Тогда одно племя воевало с соседним, а в каждом было тысячи 3–4 народу. Этот же будет битва миллионов с применением самого совершенного современного оружия.

– Как-то странно. Мировая история изменится из-за какого-то дождливого, пардон, дождевого леса. Какой-то дремучий биологизм, без грана социальности.

– Хватит социальности! Из-за нее погубили Землю, и спохватились только в конце... и т. п.

1985 Из дневника

29 января. И вот опять чеховский юбилей, 125-летний. Увижу ли следующий?

Отчетливо помню, как в 1960 г. 22-летний, бродил я по зимней Москве и с каждой газетной витрины смотрело лицо Чехова! И это волновало до слез. Тогда я впервые начал чуть-чуть понимать, что такое Чехов, думал о нем, писал о нем первое большое – дипломное – сочинение. И вот прошло 25 лет, и я тоже думаю о нем и пишу, уже много написав всего до этого, – еще одну книгу.

Насколько в *физическом* времени он был тогда ближе. Только что умерла Книппер, и я был на похоронах; в Чеховском музее Соболевский рассказывал о встречах с *молодым* Чеховым, немало было в живых тех, кто знал его в 900-е годы.

25 лет отдано. И вижу, что это мало, мало. И что 50, если повезет, тоже будет мало. Но это справедливо: разве один человек, даже отдав жизнь, может исчерпать гения?..

В этот юбилей с витрин Чехов не смотрит, портреты не на первых страницах, а – маленькие – на разворотах. А сами газеты – через 25 лет! – гораздо больше, чем газеты 1960-го года, похожи на газеты моего детства – 48–49 гг. Все тот же знакомый дядя Сэм в полосатых брюках. Вот он шествует вниз по лестнице, составленной из слов «спад», хотя все знают, что прошедший год – год самого высокого у них подъема экономики.

Сегодня вечером иду в новое здание МХАТ на торжественный вечер по поводу юбилея.

30 января. На вчерашнем вечере в МХАТе в президиуме в первом ряду С. Михалков, Анатолий Иванов (!), во втором – Верченко, Бердников, Ан. Иванов – свежий кавалер! – пришел приветствовать Чехова. Бердников читал с пафосом из «В овраге»: «Оба толстые, сытые, и казалось, что они уже до такой степени пропитались неправдой, что даже кожа у них на лице была какая-то особенная, мошенническая»⁸. С. Михалков <...> Потом – замминистра культуры, потом – Царев, порадовавший своим поставленным голосом, потом бедолага-сталевар из Таганрога, которого заставили читать кем-то написанную речь, с чем он плохо справлялся.

В концерте показали: 1 д. «Иванова» <...>, сцену из «В. сада» <...>, сцену из «Трех сестер» <...>.

Все необычайно плохо. Все играют роли не по возрасту. <...> Все пьесы выглядят одинаково, все скучно, плоско, бледно. То же самое было и с вокальными номерами. Единственное светлое пятно – С. Юрский, читавший чеховскую «Клевету» – очень смешно.

25 лет назад меня никто не знал, тут – ползала знакомых, подходят, здороваются⁹, но даже это почему-то было противно, как и все остальное.

29-го с Л. пообедали в ресторане ЦДЛ, потом подсел Семанов. Поговорили о масонах и проч.¹⁰

Сегодня весь день пытаюсь переделать статью для институтского труда «Русская литература и литература народов России». – им опять не подошла. Сколько крови она мне стоила. Каждый раз, принимаясь за нее, делаюсь болен. Не могу же я написать о «реализме Чехова» и о том, что «Победоносцев над Россией простер совиные крыла», – а им нужно именно это. Должен заниматься этим вместо доработки книги. <...>

31 января. Работа последние месяцы плохо идет еще потому, что умер Шкловский¹¹. Нет дня, чтобы он не вспомнился. Виноградов часто снится – недоговорил с ним, а со Шкловским говорил много, не снится совсем, но наяву постоянно перед глазами – мучительно живой. Ах, Виктор Борисыч, как он верил, что доживет до 100 лет, как этого хотел.

Днем. Жучка лежит, прикрыв морду своими черными лапами – как человек.

В бумажных старых завалах нашел запись: «7/1 – 72 г. «Поэтику Чехова» я писал, спутав себя ремнями, I-ю часть – водю только кистью руки, II-ю – от локтя. Новую книгу надо писать

⁸ Оргсекретарь Союза писателей (т. е. надзирающий за писателями по заданию партии) Ю. Верченко, как и заместитель заведующего Отделом культуры ЦК КПСС Г. Бердников, ставший затем директором ИМЛИ (в аспирантские годы – гонитель «космополитов» в Ленинграде, задавший на собрании вопрос академику В. М. Жирмунскому: «Можете Вы назвать хоть одну свою книгу, которая была бы полезна народу?»), вполне соответствовали своей внешностью чеховскому описанию; Бердников имел прозвище «Кабан». Будучи могущественным функционером, по совместительству чеховедом, он напечатал в 1972-м году разгромную статью о первой книге А. П. «Поэтика Чехова» (1971).

⁹ К.: «Поздравляю Чудакова с юбилеем!» (прим. А. Ч.).

¹⁰ Подразумевалась неизменная для С. Н. Семанова антисемитская тема, пресечь которую в публичном месте можно было только средствами, неорганичными для А. П.

¹¹ В. Б. Шкловский скончался 5 декабря 1984 г. А. Ч. до последних дней навещал его в больнице.

от плеча, распоясавшись, свободно». Вложил листок в зеленую папку с документацией по книге «Чехов. Утверждение худ. мира» – для перечитывания.

8 февраля. Вчера ездил в Ленинскую б-ку <...>. Разговор с зав. подсобной библиотекой НЧЗ № 3, Над. Георгиевной.

– У вас раньше была витрина с новыми журналами... <Хотел посмотреть 1-е номера с материалами о Чехове>.

– Да, теперь нет.

– А в чем дело? Почему? Для удобства читателей?

– А посмотрите вон ту витрину, и вам все станет ясно.

Я посмотрел другой стеклянный стенд, через проход. Там выступления Зимянина¹² и др.

– Вы знаете, я не понимаю, какая тут связь. Сделали ту витрину, если кому-то это очень нужно, но зачем упразднить эту?

– Но витрина-то одна.

– В физическом смысле?

– Именно в физическом (печально улыбается). Мы уже год боремся, чтоб дали еще одну. Не получается. Я знаю, вы старый читатель, я вас помню давно. Вот и напишите выше, в дирекцию...

Я живо представил себе, как Кондрашев¹³ читает заявление, подписанное столь хорошо знакомой ему фамилией. <...>

Вечер. Вдруг показалось нестрашно умереть (показались подозрительными некоторые симптомы). Высказано 2–3 идеи, которые останутся в литературоведении. Конечно, хорошо бы их развить и придумать что-нибудь еще. Но и так ладно. Все надоело. И впереди все то же – ничего нового.

19 февраля. Какие белые снега! Стою, смотрю, смотрю. (Написал стихи)¹⁴.

В 1987 году А. Ч. перепечатал свои стихи и переплел, озаглавив «Веселый волк» и надписав на обороте титула: «Сборник отпечатан в количестве 4-х нумерованных экземпляров: № 1 – М. О. Чудаковой, № 2 – М. А. Чудаковой, № 3 – автора, № 4 – ничей». Тексты стихов здесь и далее – по этому сборнику; сборник целиком воспроизведен в этом издании.

27 февраля. Вдруг пришла в голову простая мысль: все мои идеи о предметном мире, экологии, современном человеке и вещеустройстве мира и не могут вписаться в традиционные жанры статей или даже книги (о чем я тоже думал). Об этом надо писать прозу!

2 марта. Слушал по радио какой-то спектакль о Суворове (ленинградское радио) со слезами на глазах – стар стал.

11 марта, понедельник, 12 часов дня. Хотел было в 11 узнать, что дают в ежедневной программе «Театр у микрофона», но – печальная музыка. Позже – тоже. Все программы отменены.

Ясно, что это значит. Занятия не идут, пошел на лыжах. «Россия, неужели снова...»¹⁵

¹² М. В. Зимянин был секретарем ЦК КПСС.

¹³ Н. С. Карташов; А. Ч. никак не мог запомнить фамилию ничем не замечательного директора Библиотеки, летом 1984 года уволившего М. Чудакову из вверенного ему заведения (где она работала с 1965 года) как не прошедшую по конкурсу на Ученое совете.

¹⁴ Какие белые снега, Какие мощные сугробы, Как опушило берега! И в сердце нет тоски и злобы. И в этой чистой тишине-Россия заново родилась – Иль это только в снежном сне На миг почудилось, помстилось?..

¹⁵ Воспоминание о стихах Н. Коржавина, написанных в марте 1953 года, где были строки: «Моя страна! Неужто бестолково Прошла, пропала вся твоя борьба? В тяжелом, мутном взгляде Маленкова Неужто нынче вся твоя судьба?», всегда глубоко задевавшие А. П.; он помнил авторские чтения, где был вариант: «Россия – мать! Неужто...»

13 марта. Тогда, 11-го, о смерти Черненко объявили в 2 часа дня. Сегодня смотрел по телевизору похороны, слышал впервые М. С. Горбачева.

Вчера <...> Л.: «– Ты очень бодр». Я: «– Как всегда, во время исторических переломов». Надежды, надежды.

21 апреля. <...> Болен; постоянные сильные боли в желудке; сразу всплыли все знакомые ощущения прежних лет – и безразличие ко всему, и мысли о тщете. Но столь же привычно их преодолеваю¹⁶.

21 мая. Добавляю в книгу все новое и новое. Этак еще бы месяца с три повозиться, хорошая бы вышла книга.

Узнал недавно (случайно), что без моего ведома изменили заглавие. Ну разве можно было предположить – после утверждения, плана и проч.? Нет, никогда не привыкнуть к их бандитским привычкам, никогда.

22 мая. Вдруг стал писать конец рассказа «Разговоры с собакой», где собака умирает, и почти заплакал от жалости.

29 мая. <...> Вчера ходил к П. В. Палиевскому¹⁷ по поводу того, что меня не пускают на международную чеховскую конференцию в Баденвейлер.

– Сквозь директора вам не пробиться, – сказал он. И стал утешать, что «ни один пост не вечен» и что меня «и так знают в Европе». Умолчал, что сам включил в список <...> Сахарова, автора одной плохонькой статьи о Чехове и Тургеневе¹⁸.

8 июня. Снилось, что я разговариваю с Александром Веселовским после его лекции.

– Алексей Николаевич...

– Александр.

– Простите, я оговорился...

Я страшно смущен и не знаю, как мог оговориться – ведь Алексея Ник-ча Веселовского¹⁹ я почти и не читал, а уже более двадцати лет размышляю об Александре Веселовском!

– Я хочу предложить Вам посмотреть очень интересный глаголический памятник. Вы разбираете глаголицу?

– Конечно.

Видя, что я слегка обижен, А. Н. говорит: – Я ведь не знаю, как теперь на филологическом факультете учат. Т. е. он явился из *того* времени!

21 авг. Сдал «Мир Чехова» в корректорскую <...>. Нескоро чеховедение выберется из-под этой книги – полемика на ближайшее десятилетие обеспечена <...>.

¹⁶ В 19 лет, на втором семестре 3-го курса, А. Ч. заболел язвой двенадцатиперстной кишки в очень острой, так называемой «юношеской», форме. В течение нескольких лет он упорно лечился, не желая стать хроником, и так же упорно занимался наукой. Удалось вылечиться; но непрерывное нервное напряжение, связанное с отстаиванием своих научных текстов в не деформированном всеми способами цензурного воздействия (от института до издательства) виде, нередко вызывало обострения.

¹⁷ Заместителю директора ИМЛИ Бердникова.

¹⁸ Устроители конференции дали институту 8 мест – на усмотрение дирекции, оговорив персонально лишь одного Чудакова, на приезде которого настаивали; поехали все восемь, кроме А. Ч. Его *ни разу* не выпустили ни на одну конференцию – вплоть до пика Перестройки.

¹⁹ Брат Александра Веселовского, ученый несравнимо меньшего масштаба.

25 авг. <...> Недавно снова снился ВВ – сидим за нашим длинным столом²⁰, ласково треплет меня по плечу – чего никогда не делал. Посвящаю ему «Мир Чехова».

31 августа. Не знаю, что чувствуют авторы, закончившие большую, но описательную книгу, но завершить книгу-концепцию, где задача – каждую клеточку этой концепцией пропитать, пронизать, – это чувствовать усталость и опустошенность полные.

Не хочется ехать в Ессентуки, хочется плавать...

4 сентября. 2 сент. прилетел в Ессентуки, в санаторий «Аврора». Удалось получить отдельный номер.

Итак, через 27 лет я вновь в этих местах, гораздо более здоровый, чем тогда.

14 сентября. Брожу по Ессентукам, бегаю за городом по степи, как в Казахстане, Коктебеле, Прибалтике, Малеевке. За столом сидит старый чекист, служивший еще при Дзержинском и Менжинском. Говоря о религии, даже заикается и дрожит от возмущения, ему 81 год – но ничто в нем не изменилось. <...>

Хожу в павильон механотерапии, изобретение великого Цандера, закупленный целиком на Нижегородской ярмарке в 1902 году и так с тех пор и остающийся единственным в стране. В очереди рассуждают о политике. Один особенно разорлся:

– Ведь как начинала Америка? А мы? Мы начинали с нуля! Я не выдержал:

– То-то с этого нуля вы лечитесь в павильоне, построенном в 1902 г., и грязелечебнице, построенной в 15-м! Как было, так и осталось.

Не нашелся, что ответить.

Был на концерте кисловодского симфонического оркестра: Григ, Россини, Моцарт (соль-минорная). В концерте Грига раза два, кажется, не совсем вовремя вступали духовые, но в целом ничего. В зале, рассчитанном на 1500 мест, сидело едва 40–50 человек, несмотря на то, что концерт был бесплатный²¹.

24 сент. <...> Был у Н. В. Капиевой, которую не видел 27 лет²².

Плаваю в бассейне – 25-метровый, как в МГУ. Впервые показалось, что в брассе потерял скорость. В открытых водоемах этого почему-то не казалось.

2 октября. Вернулся из Ессентуков в Москву.

13 октября. Опять занимался «Миром Чехова» – снимал вопросы с корректором. Сдал – кажется, окончательно. Завтра лечу в Петропавловск-Камчатский.

5 ноября. Сегодня было заседание группы по исторической поэтике, выступал Сережа Аверинцев <...>. Потом мы с Сережей поехали в Лавку писателей, куда он пошел в первый раз, т. к. его недавно приняли в Союз писателей, и я его вводил в курс дела.

²⁰ На кафедре русского языка филфака.

²¹ Через много лет Замшели камни, и у льва Крошатся лапы. Еще свиреп Оскал зубов, но уж не так, Не с тою мощию змею К граниту он когисто прижимает. И трещина времен прошла Чрез шею, грудь и сердце властелина. И мудрый Эскулап- Все так же держит чашу, В которую змия точит целебный яд. Но уж и он устал, и посох его треснул, И время Вернее каменистых троп Подошвы у сандалий изъязвило. И Гигейя Забыла руку на сосуде Движеньем утомленным женским. Но ты – но ты все та же. Все так же голос твой смеется в телефоне И вижу: стройно ты стоишь В кабинке душной, Движеньем легким и знакомым Подносишь трубку И говоришь Со мною. 14.9.85 Ессентуки.

²² Будучи летом и ранней осенью 1958 года с А. П. в Ессентуках, М. Чудакова ездила в Пятигорск – работать в домашнем архиве Эффенди Капиева, по творчеству которого решила писать диплом; ее приветливо принимала вдова писателя, незаурядная Наталья Владимировна Капиева, с которой тогда же познакомился и А. П.

По дороге рассказывал мне о своем путешествии в Грецию в 1980 г., как на о. Патмос не нашлось места в отеле и он до утра просидел на берегу моря.

– Но ночь была теплая... Греческая летняя ночь. Я рассказал про Камчатку.

– А у меня страх перед Востоком. Начиная с восточной окраины Москвы, где я никогда не снимал дач. И холод на меня действует тоже очень плохо – даже в Риме мне показалось холодно. А на вас?

Я бы не стал ему говорить, но на прямой вопрос сказал, что скорей хорошо и что не далее как сегодня утром я купался в канале. Никогда, пожалуй, не видел я у Сережи такого остолбенелого лица сначала и болезненно-гримасного сразу вслед затем – видимо, он представил, что его заталкивают в эту погоду в воду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.